

ЭЛЕОНОРА ХИТАРОВА

ЛЮБИТЬ КЕАНУ

Элеонора Хитарова
Любить Кеану

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Хитарова Э.

Любить Кеану / Э. Хитарова — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Карина работает ассистентом модного дизайнера итальянца. Ее жизнь кажется приятной и легкой. Она окружена необычными людьми, вхожа в блестящий мир моды, любима друзьями. Однако никому не известно, что каждую минуту Карина борется с могущественным внутренним врагом. Болезнь, которая управляет ее эмоциями, мыслями и поступками, не властна лишь над ее сердцем. В нем безраздельно царствует отчаянная и преданная любовь к голливудскому актеру. Зачем нужна такая любовь, граничащая с одержимостью? На что она может сподвигнуть женщину? Грозит ли она безнадежно разбитым сердцем или обещает силу и надежду? Ответы на эти вопросы героиня ищет в своей жизни.

© Хитарова Э., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Посвящается Кеану Ривзу и всем поклонникам кого бы то ни было, а также всем женщинам, неважно, больным или здоровым, главное – влюбленным и любящим.

1.

– Ну, давай! Еще! Еще чуть– чуть! Сильнее, напрягись! – От натуги у меня потемнело в глазах. Но я сделала еще рывок. Изо всех сил. Голова медленно кружилась. Колени ломило. Я устала, но была готова на все, чтобы, наконец, покончить с этой пыткой. Музыки уже было не слышать: стук моего сердца заглушил бы даже ультразвуковой самолет, что уж говорить о «Депеш Мод». – Ну, там осталось еще немного! Будь хорошей девочкой! Не ленись! Давай! Ну, ради Кеану! – Этот голос убивал меня, но я беспрекословно подчинилась. Какое отношение к этому может иметь Кеану?

Спустя мгновение, стало понятно, что очередной рывок, вопреки моим надеждам, вовсе не оказался последним, и я, зажав всю волю в кулак, продолжала. В ушах зазвенело.

Господи, да что же это я делаю с собой!!!

XXX

Спустя час, я, осторожно придерживаясь руками за сырые, шероховатые стены, спускалась по скользкой лестнице в подвал видеопроката. Голова все еще кружилась немного. Я знаю, что если и дальше так пойдет, то с головой еще и не такое случится! Но это знание вряд ли бы что-то изменило в моей жизни.

– О, привет! – С недавних пор здесь меня знали все продавцы видеодисков. – Что возьмешь сегодня? Опять что-нибудь с Кеану Ривзом? – Этот белесый тип, по имени Томас, кольнул меня насмешливым взглядом, принимая из моих рук диск с фильмом «Дар». Черт, как же не хочется отдавать его!

– Н-ну, у нас... с мужем, вроде ретроспективы... – я всегда запинаясь, когда лгала, – мы смотрим... все с Кеану Ривзом...

– Угу, – хмыкнул он, – уже по десятому разу! – И тут же отвернулся к полкам, забитым дисками.

Какое ему-то дело, козлу!

– Потом будем смотреть все фильмы с ... – кого бы назвать, – Бенедиктом Камбэрбэтчем! – Для чего я вечно оправдываюсь? ДЛЯ ЧЕГО?

– Да уж, «Шерлока» смотреть – не пересмотреть! – Томас скользил кривым указательным пальцем по корешкам дисков. Сверху вниз, с полки на полку. Он чувствовал, как я сверлила взглядом его спину. Если честно, я ненавидела его за то, что он догадывался о моем секрете!

Томас: «Вот же больная баба. Фанатка хренова. Она уже все пересмотрела. Блин. Что бы ей всучить?»

– Эй, а не хочешь, к примеру, «Властилина Колец»? Классный фильм, между прочим! Взял одиннадцать Оскаров! Отменное качество!

– Нет! – Какого черта он спрашивает? Он же знает, что мне нужно!

– А! Вот! «Наблюдатель»! Видела? Неплохое кино. Как раз, Кеану Ривз в главной роли. Маньяка играет.

Я смотрела этот фильм 8 раз! Я знала этот фильм наизусть. Это был мой любимый фильм. В роли маньяка Дэвида Гриффина Кеану совершенно неотразим. Это был самый сексапиль-

ный, самый вожаемый маньяк на Земле! Чего бы только я не отдала, чтобы быть умерщвленной его руками!

– О! Не знаю! Давай сюда! – Воскликнула я.

Томас: «Слава Богу! Она заберет эту ерунду! Что за фигню смотрят эти больные телки. Смотрели бы лучше эротику... сексу учились!»

– Отличное кино! Тебе понравится. Не слыхала, что там еще новенького вышло с Ривзом? – Он воззрился на меня, так фальшиво играя интерес, что Кеану, наверное, плюнул ему в лицо, если бы увидел!

– Много чего! – Выпала я, но тут же осеклась. – Я, вообще-то не знаю... что-то вроде «Любовь по правилам и без», ... и еще, вроде, какой-то фильм. Называется, по-моему, «Константи...нополь» или «Константайн», но я не уверена,... – я не хотела, чтобы весь персонал проката знал о моей осведомленности в отношении кино-кеану-новостей.

Томас кивнул. Снова по его лицу скользнула мерзкая, насмешливая улыбочка. Я торопливо отдала ему деньги и выбежала из проката.

XXX

Жаль, на обложке не было его лица. Его невыносимо божественного лица. Только силуэт. Невыносимо совершенный силуэт. И удавка. О-о, с каким бы удовольствием я сунула бы голову в его удавку! И покончить с этим!

Я села в машину. Диск я небрежно кинула на сиденье рядом с собой. Интересно, для кого я притворяюсь, когда делаю вид, что невзначай кидаю его фотографии так, чтобы всегда видеть их?

Хотелось есть. За окном часто крапал мелкий, весенний дождь, дворники мельтешили перед глазами, смахивая воду с лобового стекла. Сизое, свинцовое небо тяжело давило мне на виски.

Мне надо было заехать в супермаркет, о чем я тут же сообщила себе вслух, перебивая радио. Интересно, я обращалась к себе или к силуэту Кеану, с удавкой, на обложке диска?

Затрещал телефон. Я начала торопливо шарить в сумке одной рукой, в попытке выудить скользкую трубку, но в моей торбе, как всегда, невозможно было что-то разыскать!

Я и не заметила, как чудом проскочила оживленный перекресток на красный свет.

– Алло! – Ненавижу разговаривать по телефону, когда я за рулем!

– Эй, привет! – Это звонила Клара, моя подруга, – я только что видела твою машину! Ты не в супермаркет?

– Туда!

– Тогда встретимся у касс! Есть новости!

Клара любила перемыть всем кости. Она могла поведать всем обо всех, во всех подробностях. Удивительно, но обо мне она обычно не болтала. Или я просто была плохо осведомлена.

Именно Клара позвонила мне тогда, несколько месяцев назад, и предложила сходить с ней в кино.

Весь город валом валил на последнюю часть «Матрицы». Очереди в кинотеатрах выстраивались немыслимые, и билеты на вечерние сеансы покупались за несколько дней вперед.

Я не стала отказываться от приглашения, хотя не смотрела двух предыдущих серий. Информация об этом фильме нескончаемым потоком лилась с последних страниц всех газет: новая теория мира, Бог – архитектор, летающий хакер-Мессия – все это мало меня интересовало.

Мне неплохо жилось и в обыкновенном мире, где Бог – это Бог без всяких условностей, а хакеры сидят за компьютерами, вместо того, чтобы расчерчивать своими силуэтами вечернее небо.

Однако я не отказалась. Надо же было сказать завтра коллегам, что «И Я ТОЖЕ СМОТРЕЛА»!

Это было моей роковой ошибкой! Или неизбежной случайностью. А, может, и судьбой! Такое ведь тоже возможно!

– Возможно и такое, ведь что все мы знаем о судьбе?!

В тот вечер я специально ничего не ела: готовилась приговорить самое большое картонное ведро попкорна.

С первой минуты фильма я поняла, что трачу время зря, ибо не понимаю ровным счетом ничего. Абсолютно. Какие-то штуки летали, железки грохотали, все было серо-зеленым и беспрестанно взрывалось. Кукуруза, правда, была отменная.

И тут в кадре появился он: Летающий Хакер-Мессия! Человек – Бог с совершенной внешностью и самыми выразительными глазами из всех, что я видела. В этот миг со мной произошло нечто, чего еще не случалось никогда.

– Помнишь ли ты, что почувствовала тогда?

Я отчетливо помню, что почувствовала тогда: пустоту.

Внутри меня вдруг сделалось очень пусто и горячо. Я замерла с раскрытым ртом, я прекратила жевать. По-моему, я даже забыла, как дышать. А он все летал, бился под проливным дождем с целой ордой одинаковых противников и совершал по подвигу на каждый метр киноплёнки. А в моей голове неслись мысли о том, как и зачем я могла жить все эти годы, не замечая, что Он существует! Как я могла раньше игнорировать это идеальное Божье творенье?! Как я могла не смотреть предыдущие части «Матрицы» и все остальное, где мог бы появиться Он?!

Клара: «В кино у меня было одно желание: заткнуть себе уши, чтобы бесконечные взрывы всего подряд прекратили травмировать мои барабанные перепонки! Нео, главный персонаж, несомненно, был хорош, но он большую часть фильма бродил на ощупь, потому что какой-то идиот выжег ему глаза, – пожалуй, самую красивую часть его лица. От спецэффектов захватывало дух, но смысла всего этого повествования я так и не поняла. Может, конечно, философия фильма была слишком мудрена. Этого я уж не знаю, да и размышлять у меня не было никакого желания, но в один прекрасный момент я вдруг повернулась в сторону Карины и... поняла, что вечер прошел не зря!

Моя бедная подруга, не мигая, тарасилась в экран. Рот ее был разинут. Она автоматически продолжала забрасывать в него хлопья кукурузы, но те сыпались мимо, и к концу фильма ее сумочка, что лежала у нее на коленях, была погребена под пышным белым сугробом. Ничего более забавного я в жизни не видела! Жаль, что со мной не было фотоаппарата! Вышел бы кадр!»

Зал полностью опустел, когда Кларе удалось растормошить меня: я впала в глубокий ступор и только глупо хихикала, волочась за ней к выходу. Перед моими глазами все еще стояли его сурово нахмуренные брови, экзотические, раскосые глаза, горящие решимостью спасти всех и вся, и необычайно чувственный рот.

Если вы никогда не влюблялись в звезд, то знаете ли вы, что такое любить звезду?

КЕАНУ... Ке-а-ну... Ке-е-е-а-а-ну-у-у... Кеану Ри-и-и-ивз...

Я могла повторять это имя постоянно, про себя и вслух, снова и снова.

У его персонажей было много красивых имен, но его собственное имя «КЕАНУ» звучало заморской дивной музыкой в моем сознании. Как пение легкого бриза над бескрайними океанскими просторами, как шелест курчавой ночной волны. Ке-е-а-а-ну-у-у...

Это было самое красивое имя из всех, что мне доводилось слышать. Надо же, как ему повезло иметь такое!

XXX

Мне пришлось оставить свои блаженно-болезненные воспоминания: парковка у супермаркета была забита битком. Я долго кружила вокруг исполинского вместилища калорий, в поисках просвета, куда можно было бы втиснуть мой маленький автомобиль. Но кто ищет, тот всегда найдет, так что скоро я уже приветствовала высоченную, сухощавую Клару, которая стояла у одной из касс и нервно постукивала кошельком о ручки пустой тележки для продуктов.

– Мария влюбилась! – с ходу провозгласила Клара. Вид у нее был мрачный. Как если бы Мария умерла. Или, в лучшем случае, неизлечимо заболела.

– О-о-о! Да ну. Опять? – наигранно заинтересовалась я; мне-то, на самом деле, не было до этого совершенно никакого дела, – и в кого?

– Черт его знает! Пока известно только, что его зовут Тод!

– Тод?! – Такое глупое имя!

– Да, и в воскресенье у них первое свидание! Она так переживает, просто ужас!

– Воскресенье? Странный день для свиданий. Но если человека зовут Тод, то что же еще от него ожидать?

– Ой, и не говори, – отмахнулась Клара, – но ты же знаешь Марию!

Конечно, я знала Марию. Она не состояла в числе моих подружек, но была чрезвычайно знаменита тем, что каждые два дня влюблялась и страшно переживала перед первыми свиданиями, которыми, впрочем, все ее романы и оканчивались. Возможно, что как раз из-за ее чрезмерных переживаний!

Так, стоп! А что мне нужно в магазине?

Я глянула в свою тележку: обезжиренный йогурт, три апельсина, яблоки, какие-то овощи. Овсянка. Отлично.

– *И что тогда случилось?*

И тут мне чертовски захотелось пиццы! Я кинула в тележку одну, самую маленькую. Но что такое одна маленькая, замороженная пицца? Следом полетели еще две, самые большие. А еще две коробки сливочного мороженого, шоколадный торт, три пакета чипсов, банка ванильного крема.

- Ты ждешь гостей? – Клара проводила недоуменным взглядом последние приобретения.
- Вроде того, – солгала я, – я...мама должна заехать. На чай.
- Понятно.
- Я еще хочу купить жареную курицу. Здесь их отлично жарят! – При одном воспоминании у меня потекли слюнки.
- Курицу? К чаю? Странное чаепитие.

Сколько раз я говорила себе: Не ходи в супермаркет на голодный желудок!

Вот, опять на то, что мне не надо, я потратила в три раза больше денег, чем на то, что надо! Как с этим бороться?!

– На самом деле, бороться с этим ты не могла. Подобные мысли приходили тебе в голову каждый раз, когда ты попадала в магазин. А случилось это регулярно? Почти каждый день. Так что, трата денег на ненужные продукты давно превратилось у тебя в дурную привычку, не так ли? Как и еще кое-что.

- А где свидание? – Наверняка Клара знала и это.
- В «Бонд Кафе». В восемь вечера. Она так волнуется, идиотка! И знаешь, какая ее главная проблема? Ей, как всегда, нечего надеть!
- Ну, это в порядке вещей.
- Да, в порядке...
- Какая нормальная женщина может с легкостью решить, что ей надеть, тем более, на первое свидание? Любой нормальной женщине всегда нечего надеть, и это все знают.

Мы молчали, пока закидывали пакеты с продуктами в машину. Потом Клара махнула рукой и заявила с мрачной обреченностью:

- У нее и на этот раз ничего не получится. Из-за своего волнения она вечно теряет и ведет себя как последняя дура, все два часа, пока ее новенькие ухажеры способны это выносить. Потом все, как один сбегает. Ну, а ты бы не сбегала, если бы была мужчиной? Ну, ладно, все. Мне пора. На маникюр еще надо. Созвонимся. Может, увидимся попозже.

Я уже завела машину, когда вдруг вспомнила, что не купила еды для Нельсона. Я чертыхнулась: мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в магазин.

Я стремглав неслась между рядами с продуктами: главное не смотреть по сторонам, а то увижу еще что-нибудь, что мне «совершенно необходимо»! Цветные пачки с кошачьей едой служили мне мишенью, а я сама в эту секунду чувствовала себя самонаводящейся торпедой.

Как вдруг, что-то остановило меня. Будто пригвоздило к полу.

Боковым зрением я увидела что-то, что было мне совершенно необходимо!

Слева от меня громоздились полки с газетами и глянцевыми журналами.

С обложки одного из них, что криво мостился между «Новостями в мире газнокосилок» и «Новейшими деньгами», на меня сосредоточено смотрел он. Просто он. На меня. Я даже невольно поправила волосы, как если бы он действительно видел меня.

Я метнулась к журналу с такой скоростью, будто кто-то гнался за мной, чтобы отнять.

Итак, счастье переполнило меня. Блаженная улыбка тянула мой рот во все стороны: с переднего пассажирского сиденья на меня смотрело лицо Кеану. Для полного счастья не хватало только всего остального, что обычно прилагается к лицу. Но нехватка того самого остального, как раз, является одной из характерных черт любви к звезде.

Соблазн просмотреть журнал был слишком велик! Я остановила машину в одном из укромных переулков и взяла журнал в руки.

На его лицо можно было глядеть часами. Ласкать глазами каждую линию, каждую родинку, каждую морщинку, представлять, как он улыбается, сердится, грустит.

Любовь к звезде – странная штука! Призрачная и фантазийная, она существует только в твоём воображении. Она не является физической субстанцией, но при этом заставляет ощущать вполне реальные эмоции, вполне земные страдания и очень ощутимую физическую боль. В душе, разумеется. Вот и думай потом, по каким принципам создается наша реальность, если нереальные вещи, срастаясь с нею, воплощают в ней реальные явления. Объективная нереальность и субъективная данность, максимально приближенная к жизненным условиям!

О чем это я?

Я одарила глянцевого лица Кеану самой обворожительной из своих улыбок и отправилась домой.

На протяжении всего пути он не сводил с меня глаз.

Какое счастье, что я обнаружила его между новостями в мире газонокосилок!

XXX

Удобно устроившись на диване, мы с Нельсоном ужинали вместе. И смотрели телевизор.

Рыжий, толстый пройдоха Нельсон, прикончив свои хрустящие подушечки, теперь сыто облизывался и мостился у меня в ногах. Рокот его мурлыканья заглушал выкрики рэпперов, которые размахивали длинными руками с телеэкрана, а толстые, крепкие лапки кота разминали диван вымеренными движениями профессионального массажиста.

– Нельсон! Ты наелся, котяра?

Кот глянул на меня, прищутив изумрудные, прозрачные глаза. Он вроде даже кивнул. Но тут же демонстративно отвернулся, свернулся в клубок и пару раз хлопнул хвостом, в знак полного нежелания общаться.

– Ну и ладно! Подумаешь, адмирал.

Мои руки устали держать пустую тарелку, но идти на кухню было откровенно лень. Я была вполне довольна собой: мой ужин полностью соответствовал растажирированным канонам здорового питания: куриное крыло, салат. Ни мало, ни много. Ничего лишнего. Я поставила тарелку на журнальный столик и уставилась в экран.

– Прекрасно! И что же произошло потом?

Прошло пятнадцать минут, перед тем, как я почувствовала привычный дискомфорт: я все еще была голодна. Очень голодна. Мне хотелось есть, пожалуй, даже сильнее, чем до ужина.

Ну что тут такого, говорила я сама себе. Съем еще кусочек и сразу, не теряя времени, все очень быстро решу. Если – сразу, не теряя времени, тогда легко и без проблем! Ну, почему бы нет? Я все равно уже много съела. На ночь. Какая теперь разница? Хочется же! А ведь есть еще пицца! Да, я совсем о ней забыла! И мороженое...

В животе моем что-то булькнуло, и цыплячье крыло в моем желудке вдруг так отяжелело, что мне даже сделалось трудно слезть с дивана. При этом голод становился невыносимым.

Без туалета мне уже не обойтись, в любом случае, – убеждала я себя. Но, одновременно, внутри себя я ощущала слабое сопротивление.

И заговорил голос.

Во мне в такие моменты всегда говорил голос.

«А как насчет гастрита, язвы, раковой опухоли, дорогая? А что ты чувствуешь, когда темнеет в глазах? Да и вообще! Не стоит этого делать! Хватит мучить себя!»

Я не страдаю шизофренией и раздвоением личности. Голос, который говорит со мной – мой собственный. Должно быть, это голос разума.

– *Скорее, страха...*

Пожалуй. Но было поздно сопротивляться. Я уже знала, что в моих разумных уговорах не было проку. Я чувствовала, как пища отягощала мой желудок, и это мешало мне. Очень сильно, невероятно сильно мешало. Я просто не смогла бы заснуть, если бы оставила все как есть.

Очиститься придется, – думала я. – но ведь я съела так мало! Какой смысл насиловать себя из-за одного куриного крыла? Надо же как-то оправдать свои муки. Так что же, теперь у меня возник повод набить себе брюхо? Да, этот повод возникает всегда, и всегда один и тот же: муки неизбежны, но должны быть оправданы. Ну, я не буду слишком переедать. Я чуть-чуть. Злоупотреблять не буду, только голод утолю. А то, правда, мучиться потом... Уже так поздно.

Я слезла с дивана. На столике, естественно обложкой вверх, лежал тот самый журнал. Я мгновение любовалась глазами Кеану, а потом быстро перевернула его лицом вниз. Я не любила, когда за мной наблюдали в такие моменты.

– *На самом деле, тебе было просто стыдно.*

Стыдно. Наверное, мне было стыдно. Стыдно перед лицом Кеану на обложке журнала, на моем столике. Как деревянному Пинокио перед говорящим Сверчком. Глупо как-то сравнивать Кеану со Сверчком. Да и лгу я обычно только себе.

Мое «не злоупотребление» заключалось в следующем:

Две пиццы, еще половина курицы, огромная банка мороженого, четыре банана с ванильным кремом и сливками, четыре шоколадных пирожных со сливочным кремом.

Бог мой! Единственный вопрос, который всегда будоражил мое сознание в моменты поглощения, был следующим:

Куда все это влезает?!!!

– *Ты хоть раз пыталась поставить себя на место своих внутренностей? Представить свой желудок изнутри?*

Я каждый раз пыталась представить свой желудок изнутри, и единственной картинкой, которая появлялась в моем воображении в таких случаях, был мышонок Джерри из диснеевского мультфильма, где он проглатывал апельсин и делался совершенно круглым. Должно быть, я тоже внутри полностью состою из желудка!

Я ела, нет, прошу прощения, я пожирала все это с огромной скоростью. Забрасывая еду внутрь руками, словно лопатами и заливая литрами сладкой газировки. Чем больше жидкости, тем потом легче.

Если разобраться, то я не ощущала вкуса всей этой пищи. Мне было важно поскорее забить тот безграничный космос, который находился внизу пищевода.

Нельсон время от времени поднимал голову и бросал на меня презрительные взгляды. По его мнению, мне должно было быть стыдно за свои поступки. Но разве же я стала бы учитывать мнение какого-то кота!

Как правило, на последних кусках мне все-таки становилось стыдно и жаль себя. Я чувствовала себя залепленной жиром, скользким, вонючим и мерзким. Мне хотелось плакать оттого, что последующую, неотвратимую экзекуцию можно было только оттянуть, но никак не

избежать. Пытаясь отсрочить поход в туалет, я замирала на диване, боясь пошевелиться, так как мне казалось, что одно неловкое движение, – и мой желудок лопнет, как воздушный шар.

Вот тогда я начинала раскаиваться.

Взирая на гору грязных тарелок, я ненавидела себя и спрашивала: Зачем? Зачем и сегодня опять?

Как беременная, поддерживая свой огромный, выпирающий живот, сгибаясь в три погибели от неимоверной тяжести и громко кряхтя, я медленно сползла с дивана.

Я как-то слышала, что в старину какой-то писатель или философ, который страдал обжорством, умер оттого, что у него лопнул желудок. По-моему, со мной сейчас случится то же самое! Интересно, сколько дней пройдет, пока в квартире обнаружат мою фаршированную тушку?

После того, как все закончилось в очередной раз, я в очередной раз давала себе клятву начать новую жизнь и не делать этого больше никогда!

2.

Звон будильника проник в мое сознание как обычно, ровно в шесть. Я сделала над собой нечеловеческое усилие и открыла глаза. Какое-то время я с ненавистью глядела на будильник, желая раздавить его мощью своего взгляда. Пожалуй, будильник – самая ненавидимая вещь на свете. Назовите мне хоть одного человека, который любил бы будильник! Незавидная участь. Тем хуже, ведь на деле будильники творят лишь добро, помогая нам быть более дисциплинированными и не опаздывать.

Еще не рассвело. Я долго сидела в постели, изо всех сил стараясь не поддаваться соблазну вновь опрокинуться на подушку. У меня горели ладони и ступни. Не знаю почему, но так происходило всякий раз, когда я вставала рано. Что бы это значило? Да, медицина оставляет еще много вопросов!

Нельсон недовольно ворчал у меня за спиной. Он тоже ненавидел будильник.

Наконец, я нашла в себе силы оторвать зад от постели и, шаркая тапочками по полу, побрела в ванную.

В зеркале опять не было видно моих глаз. Ладони распухли. Я скинула ночную сорочку, и невольно отпрянула от зеркала: оно слишком безжалостно демонстрировало мне мое тощее тело с впалой обвислой грудью, дрябловатые бедра, проваленный живот. Я повернулась к зеркалу одним боком, потом другим, в надежде, что с какой-то стороны мое тело будет выглядеть неплохо – но журнальной картинке видно не было, хоть тресни.

Я с досадой отвернулась и полезла в душ.

– *Так бывало всегда или только наутро после приступов?*

Мои утра почти всегда наступали после приступов.

В восемь, я была уже на рабочем месте.

Джулиан еще не приехал, но подготовка к съемкам шла полным ходом. По нашей студии сновали визажисты, декораторы и осветители, в центре устанавливали подиум из фанеры, крашенной в золотой цвет, все галдели, пили кофе и перешучивались.

Минут через пятнадцать, словно бабочки, в студию начали слетаться модели. Джулиан, мой начальник, дизайнер и фотохудожник, сам делал сегодня фотосъемку собственноручно созданной одежды для рекламы фирмы, на которую мы оба работали. Вернее, он – на нее, а я – на него. Фирма, как вы понимаете, шила созданную Джулианом одежду. Очень, кстати, красивую одежду. И весьма дорогую. Я со своей зарплатой ассистента, смогла бы безболезненно потянуть только одно платье в полгода. Но этой проблемы для меня не существовало: раз уви-

дев, как эти платья сидят на моделях, я ни за что не стала бы позориться и натягивать их на себя.

Они были такие молоденькие. Их заспанные лица были свежи, словно ландыши, бархатные щечки алели, как лепестки роз, огромные глаза влажной росой поблескивали из-под полуопущенных ресниц. Настоящие цветы, а не женщины. Я с трудом подавила завистливый вздох, украдкой наблюдая за их грациозными походками, плавными, жеманными жестами, еще не напомаженными улыбками.

Такие физически совершенные. Если бы я была одной из них, мои шансы на благосклонность Кеану, наверняка, автоматически увеличились бы. А так...

Я уже была готова впасть в утреннее уныние, как вдруг мне вспомнилась одна обнадеживающая мысль, найденная мною в каком-то дамском журнале: не всегда можно привлечь человека с помощью прекрасных ног!

Лично для меня эта мысль означала, что наверняка, звезде Кеану Ривзу, который перевидал на своем веку всяких красавиц, давно уже было мало только лишь физической привлекательности. Чтобы заинтриговать его, надо быть еще и привлекательной духовно. Многогранной, необычной. Может быть, просто сердечной и искренней.

Я утешилась этой мыслью. Наверняка, так оно и есть!

Красивых людей на свете невероятно много, но далеко не каждый из них так же прекрасен и внутри. И часто можно встретить ничем не примечательного внешне человека, энергетике и обаянию которого просто невозможно противостоять. И с этим сложно спорить.

– Чао!

Я вздрогнула: Джулиан тряхнул меня за плечо.

– Чао, синьорина. Ты уснула, дитя мое?!

– Нет, нет! – Мне стало неловко перед собой за свои мысли. И перед ним, не знаю, за что.

– Привет, как дела? – Джулиан начал деловито устанавливать фотокамеру перед подиумом, скользя придирчивым взглядом по лицам моделей, которых в этот момент гримировали.

– Как всегда. Хорошо.

– Что нового слышно про принца Сиддхартху? – Он обернулся и подмигнул.

Джулиан Руффи был посвящен в мои душевные терзания.

Загорелый и роскошный, гей – эстет, чей стиль я считала эталоном, этот северный итальянец, идеально подтянутый в свои сорок шесть лет, был всегда спокоен и имел прищуренный взгляд зеленоглазого кота.

Он никогда не подтрунивал надо мной. По крайней мере, в лицо.

Он, будучи снобом высшей квалификации, хорошо понимал, как губительно для простых смертных может быть созерцание чужого совершенства.

Джулиан: «Она славная. Она хороший помощник. Она какая-то хрупкая, по-своему, даже красивая, хотя в ней совершенно нет шика. С ней хочется обращаться бережно. Ах, Карина, безнадежно влюбленная Карина...

Мне было жаль ее, ибо страстно поклоняясь актеру, она уже ставила себя на ступень ниже своего кумира, немо провозглашая его патрицием, а себя – плебейкой. Она благоговела перед ним, словно перед божеством! Что ж, возможно, такое отношение он вполне заслужил: он же сыграл бога, как минимум, дважды. Его принц Сиддхартха, впоследствии – Будда Проснувшийся, обладал красотой не человеческого создания, но истинного божества. Такую красоту нельзя возжелать, перед такой красотой следует возвышенно трепетать, и ей следует поклоняться. Об этом не грех помечтать. Иногда Карина забредала так далеко в свои мечты, что

совершенно забывала и об окружающем мире, и о своих обязанностях. Но я старался быть к ней снисходительным, так как считаю, что любовь к звездам закономерна. Человечество не может обходиться без богов от искусства. А боги должны оставаться богами для своих идолопоклонников, но при этом не забывать о том, что на самом деле они все равно остаются простыми смертными. Рабами единого бога, чье имя «Искусство»! Но для того, чтобы культ искусства оставался вечным, всегда должны существовать те, кому поклоняются и те, кто поклоняется. Иначе, искусство теряет свой смысл. А ведь искусство так прекрасно! Я тоже всегда служил искусству и считаю себя его добровольным и счастливым рабом».

Джулиан, в свою очередь, сам не отказывал себе в удовольствии созерцать все прекрасное и, кстати, временами с наслаждением созерцал того же Кеану в кино. И в своем компьютере, где среди фотографий прочих звезд и персонажей, имелись снимки как возвышенно прекрасного принца Сиддхартхи, так и юного, вполне земного, голого и чертовски соблазнительного Ривза, которые он скачал с Интернета как-то, бессонной ночью.

Об этом он, правда, мало кому рассказывал.

Съемки начались еще через полчаса.

Я беспрерывно кляла себя за рассеянность: каждый раз, когда Джулиан отдавал мне распоряжение, я не могла расслышать его с первого раза.

Как ассистент, сегодня я была просто ноль без палочки! Я винила во всем громкую музыку и слепящие вспышки фотокамеры, но причина заключалась в другом: я никак не могла отвлечься от мыслей о Нем, своем недостижимом возлюбленном.

В конце концов, Джулиан не выдержал. Он оторвал лицо от фотокамеры, резко выпрямился и, метнув из глаз молнии прямо в меня, прошипел, сопровождая свое шипение размашистой жестикуляцией:

– Принчепесса! А ну-ка, быстро соберись! Немедленно, черт подери! Почему ты постоянно думаешь только о нем?! Прекрати думать только о нем! Оставь своего Кеану хоть на минуту в покое! Займись работой, наконец! Мама миа! Мама миа! Ну почему именно он?! – Он всплеснул руками и снова уткнулся лицом в камеру, все еще бормоча под нос: «Мама миа! Мама миа!»

– А ты когда-нибудь спрашивала себя, почему именно он?

Почему именно он... на первых порах я только и делала, что задавала себе именно этот, по сути, риторический вопрос: Почему именно он?

Я часами пристально вглядывалась в его лицо, и все пыталась разобраться, что в нем было такого особенного?

Да, спору нет, он бесподобно красив, но дело ведь не только в этом: на свете миллионы красивых мужчин. Гораздо красивее его, в том числе. Здесь я лукавлю, так как считаю его самым красивым мужчиной на Земле.

Да, он обладает мощной харизмой, щедро одобренной колдовскими чарами его мистических персонажей. Но харизма не такое уж уникальное явление, она встречается и у далеких от голливудского Олимпа личностей. Я же не влюбляюсь в каждого встречного поперечного красавца с харизмой!

Что же было в нем такого уникального, что вызвало во мне тот самый роковой импульс, который привел в движение все химические реакции и физические процессы, в комплексе именуемые «любовь»?

Некоторые говорят, что люди выбирают себе зазнобу по запаху: якобы, если чей-то истинный запах, что скрыт под многими слоями духов, крема для бритья, дезодоранта и всего про-

чего, понравится моим потайным рецепторам, то я немедленно получаю сигнал: «Внимание! Внимание! ОН!» И тут же влюбляюсь.

Но, позвольте, у меня никогда не было шанса понюхать Кеану Ривза и сомневаюсь, что таковой представится когда-нибудь!

– Ты можешь быть совершенно уверена, что если бы увидела его, понюхала его, и даже поговорила с ним, то непременно получила бы такой сигнал?

Вообще, интересно, по какому принципу наше сердце выбирает себе тот самый, единственный в своем роде осколок, который затем с мазохистским удовольствием вонзает глубоко внутрь себя, и тормозит его там, и загоняет все глубже, и стонет от беспрестанных уколов, и долгое время даже не пытается хоть как-то залечить кровавые раны.

Почему одна женщина млеет лишь от вида какого-нибудь инженера или ветеринара, а другой подавай кинозвезду или музыканта, или известного политика?

Я уверена, что на месте Ривза мог быть кто-то еще, и вместо того чтобы мучительно бормотать себе под нос «Кеа-а-ану, Кеа-а-ану», я могла бы в полной мере наслаждаться распеванием какого-нибудь «Джо-о-он», «Дэ-э-эвид» или «Га-а-ар-ри-и-и»...

– Я задал тебе вопрос...

Но случилось именно так, что в качестве стрелы Купидона мое сердце избрало себе застывшую в пяти буквах песнь гавайского бриза, загадочное и похожее на цветок имя человека с множеством примерянных лиц и стремительно прожитых судеб...

– Ты избегаешь ответа?

Я могла бы дать руку на отсечение, что совершенно уверена в том, что получила бы не просто сигнал! Заголосил бы весь микро и макрокосмос!

Почему именно он...сейчас это уже не имеет никакого значения.

– Тогда скажи мне, что обычно происходило с твоей болезнью, когда ты была на работе?

На работе о голоде некогда было думать. Об обжорстве уж тем более. Я была слишком занята. На работе я не ела ничего, только пила кофе. Не было времени.

Но, несмотря на свою загруженность, я все равно умудрялась не концентрироваться на работе полностью, а хранить доминирующей мысль о Кеану в моем мозгу.

Это так странно – просматривать эскизы, а думать о нем, писать отчеты – и тоже думать о нем. Бегать из цеха в студию и обратно, с ворохом дорогой экспериментальной одежды в руках, но при этом, все равно продолжать думать о нем.

Могу ли я сформулировать, что именно я думала? Пожалуй, нет. Это было все равно, что постоянно видеть черты его лица сквозь завесу повседневных забот. Так видят радугу сквозь дымку тающих туч, сразу после грозы.

В один прекрасный день, мы всей студией отмечали день рождения одного из манекенщиков-фаворитов Джулиана. На импровизированной вечеринке присутствовали секретари, швеи, помощники дизайнеров, много разного народа, были также манекенщицы, ну куда уж без них.

После третьего бокала Кьянти на пустой желудок, я, как на грех, разговорилась с одной из них, восемнадцатилетней Мариеллой. Моя беда заключалась в том, что после определенного количества ничего не значащих реплик, я неизбежно скатывалась на разговор о Кеану Ривзе.

Согласитесь, о чем же еще мне разговаривать с чужими людьми? Не о желудке же моем, в самом деле!

Кстати, интересно, сколько их, этих жеманных тонконогих фей, страдали тем же недугом что и я? Думаю, каждая четвертая, в лучшем случае. Интересно, сколько из них хотели бы это с кем-нибудь обсудить, найти какую-то поддержку? Думаю, все. Но ни одна, ни при каких обстоятельствах, не осмелится заговорить о своем обжорстве публично! Ведь это то же самое, что при всем честном народе сознаться в пристрастии к наркотикам, только еще омерзительнее и позорнее. И совсем совсем не модно!

Так вот. Сначала мы кратко обсудили «Матрицу», потом речь пошла о Нео. Я была уже пьяна. И черт меня дернул восхвалять его вслух! Мало я восхваляю его про себя? Идиотка, я даже прослезилась от трепетного восторга.

Мариелла долго молчала, не прерывала меня. На лице ее отражалась такая жалостливая снисходительность, которой она аккуратно прикрыла непонимание и отсутствие интереса. Будто я была пациенткой клиники для недоразвитых, а она, совершая акт доброй воли, пришла эту клинику навестить, из вежливости спросить мое имя, участливо погладить меня по голове и подарить мне конфетку.

Когда я осознала это, было слишком поздно: я выложила ей все, как на духу!

Она с трудом сдерживала смех, ибо эта восемнадцатилетняя нимфа досконально знала, что и кто ей нужен, и в этом длинном списке надобностей не было места звездам далеким: только те, до которых можно дотянуться рукой, и которые способны материально оправдать ее труд протягивания руки.

Мариелла: «Ну, вообще! Я думала, что она, ну, нормальная, а она, ну, дура полная по жизни! Нет, ну это вообще – она влюбилась в Нео, нормально? В Не-о! Полный бред! Где вообще ее мозги?»

– Слушай, Карина! – авторитетно заявила Мариелла, стоило мне закрыть свой неуправляемый рот и смахнуть с глаз благоговейные слезки. – Я, в общем, не понимаю. Ты влюбилась в Нео или в актера, который был там за него? Ты определись. Потому что Нео, в общем, он чувак, конечно, конкретный, но его же нет! Он ненастоящий. А актер этот, как его там...

– Кеану Ривз.

– Да, – она мотнула уложенной шевелюрой и часто замигала, – точно, Кеану Дрибз! Он, вообще, тип обычный. Он, блин, богатый, конечно!

Мариелла не сдержала завистливого вздоха. Она замолчала на мгновение, раздумывая, вероятно, над тем, как недурно было бы дотянуться рукой до его богатства.

– Какая разница, богатый он или нет! Он же просто супер! Идеал! – Господи, я-то что мелю!

Мариелла снова поглядела на меня с жалостью:

– Нет! Фигня! Это Нео идеал! Такие герои вроде Человека Паука в кино даже никогда не едят. А актер этот,... Дрибз...

– Да не Дрибз, а Ривз!

– Да, я знаю! Он, в общем, такой же, как все! И еще и старый. Ты прикинь, у него ноги, там, потеют! Или сопли, например, тоже текут. Они у всех текут, когда холодно! И вообще, он, может, храпит по ночам. А, прикинь, у него случится понос. Идеал, блин! Ха-ха-ха! – Мариелла запрокинула голову, хохоча безудержно и очень звонко.

– Ну, а что тут такого... – неуверенно сказала я, – он же человек...

Мне хотелось ее стукнуть! Да, я и без нее прекрасно осознавала, что он человек, как и все, из плоти и крови! Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, простите, до таких

вещей, как выделения из носа или интенсивность работы потовых желез, мои возвышенные мысли никогда не опускались!

И не бывает у него никакого расстройства желудка! У него, наверняка, какая-нибудь особенная диета!

– О ком это вы тут? – внезапно встрял в наш диалог модель с претенциозным псевдонимом Донни Стардаст, смуглый красавец с длинными кудрявыми волосами, которым позавидовала бы любая девушка.

Его я знала очень хорошо, потому что вот уже полгода как он каждую неделю просил меня передать Джулиану весточку о том, что сердце Донни безудержно страдает от любви к нему.

Почему Донни стеснялся сказать это непосредственно Джулиану, я стеснялась узнать. Я только исправно передавала душещипательные послания от Донни Джулиану, которые Донни трогательно нацарапывал почерком прилежного первоклассника на пропитанной духами бумаге. Но Джулиан Руффи оставался бесстрастным, как карандаши, которыми он рисовал эскизы платьев.

– О Кеану Др..Ривзе! – с издевкой усмехнулась Мариелла и глянула на меня.

– А-а, – с пониманием кивнул Донни, – он красавец. Но мне жаль беднягу: после роли этого Нео все теперь решили, что он действительно летает по ночам и намеревается спасти мир. Объявили его антихристом и еще, Бог знает, кем. И все ждут, пока его отвезут в психушку с манией величия. Мужик теперь придется всю жизнь отмываться от этого Нео. И еще двадцать лет играть в фильмах простых небритых парней, чтобы доказать всем, что он нормальный, что у него потеют подмышки, как у всех, и заставить фанатов забыть про чудо-Нео, у которого даже щетина на лице не росла!

– И еще он не ел! – Мариелла очень гордилась тонко подмеченной деталью.

– Нет, по-моему, он ел! – Донни сосредоточенно нахмурил ухоженные брови.

– Не ел! – взвизгнула Мариелла.

– Ел!

– Какая разница! – махнула рукой я и быстро отошла от них, иначе я бы точно не удержалась и врезала бы обоим за их мерзкие разговоры.

Пусть Донни еще попросит меня что-нибудь Джулиану передать! Я ему быстро напомню про потеющие подмышки и не растущую щетину! И про антихриста вспомню тоже!

Я взяла с фуршетного стола новый бокал вина и оглянулась: Мариелла и Донни все еще спорили, ел Нео в «Матрице» или не ел.

XXX

Дома меня начало тошнить буквально с порога: нет, я ничего не успела съесть. Успела выпить, правда, полторы бутылки вина. И два стакана виски сверху налила в желудок. Ему не понравилось. А кому бы понравилось?

Это было ужасно. Гораздо ужаснее, чем обычно. Одно дело, когда ты суешь два пальца в рот по болезни, по собственной воле, из вредной привычки, из мазохизма. Тогда ты отвечаешь за то, что делаешь, и в какой-то момент, после нескончаемой череды рвотных позывов, когда пальцы уже целиком проникают чуть ли не в пищевод, гортань душит кашель, в глазах начинают мельтешить цветные кляксы, а колени мелко трястись, ты можешь приказать себе остановиться. Потому что понимаешь, что внутри тебя уже не осталось ненавистной тебе пищи, что это просто рефлекс.

Другое дело, когда процесс неуправляем. Когда ты не в состоянии контролировать, когда это начнется и в какое мгновение закончится. Когда единственное, о чем ты мечтаешь – это немедленно принять горизонтальное положение, а сама вынуждена стоять, согнувшись в три погибели над унитазом и не имея возможности даже выпрямиться, так как каждое твое движение вызывает новый приступ тошноты.

И вино, само по себе, ужасная вещь. Терпкий, ароматный напиток, проведя в желудке некоторое время, превращается в зловонный яд, в едкую черную кислоту, которая, исторгаясь, сжигает пути, по которым устремляется наружу.

Мне отвратительно и больно отплевываться от него, и горло мое потом жжет так, что я даже не могу говорить какое-то время. Только кашляю.

Я помню, как сижу на холодном полу, рядом с унитазом, держусь за горло, молчу, с трудом сглатываю и думаю о злокачественных опухолях. Мне чудится, что в голове перекачивается свинцовый шар, размером с яблоко. Он катается по моему мозгу тяжеломерно, и череп медленно раскачивается в такт его движению, меняя местами пол и потолок.

Вокруг меня суетится Нельсон. Он понимает, что мне плохо и тревожно мяукает, трогает мою руку лапкой, заглядывает мне в глаза, словно спрашивает, чем он может помочь. Этот кот любит меня.

Из последних сил я доползла до постели и мгновенно заснула. Просто выключилась.

Я открыла глаза. Часы показывали три часа ночи. В голове гудело, горло продолжало мерзко саднить. Заснуть мне больше не удалось. Благо, завтра была суббота. Интересно, до чего доведет меня мое обжорство? До рака? До сумасшествия? Или до самоубийства? Сколько можно уже, в конце концов. На кого я становлюсь похожей? На скотину без толики самосознания. На безвольную тварь. Что бы я сказала своему любимому Кеану? Что я – заикленная на своем теле обжора? Не так уж и красиво мое тело, чтобы таким образом о нем печься. Сколько лет еще мне надо потратить, стоя лицом в унитаз, чтобы это понять?

Я ворочалась с боку на бок. Я вдруг обнаружила, что все мое тело представляло собой туго сжатый ком. Я умоляла свои мышцы расслабиться, но ни единый мускул даже не дрогнул. Я с трудом сглатывала, ощущая, как жгучая боль скатывалась от гортани к пищеводу. Наконец, мне удалось разжать кулаки. Ногти оставили глубокие, беловатые следы на ладонях.

Интересно, я одна такая самоликвидаторша, или в мире есть еще кто-то?

Мне внезапно представилось, как вся планета вмиг опустела, и я стою одна посреди бескрайних зеленых лугов, голубых озер, где на тысячи километров нет ни единой живой души кроме меня. Нет ни щебета птиц, ни рыка зверей, только пустое шептание ветра в зеленой траве.

Сделалось невыразимо страшно. Так страшно, что захотелось кричать. Мне немедленно нужно было удостовериться в том, что я не одна на этой земле.

Я порывисто вытянула руку и нащупала выключатель ночника. Выключатель громко щелкнул. В освещенной, до мельчайших подробностей известной моим глазам комнате, сразу сделалось легче. Нельсон с недовольством покосился на ночник. Его глаза блеснули в тусклом свете лампы. Мерное урчание кота немного успокоило меня. Я поднялась с кровати, сунула ноги в тапочки и нетвердой походкой побрела на кухню.

Выпитый залпом стакан ледяной воды сделал жжение в горле острее, но зато привел нервы в порядок.

Одиноко светящееся окно в доме напротив, которое поймал в темноте мой мимолетный взгляд, полностью удостоверило меня в том, что на свете точно есть еще хотя бы один живой человек.

Я откинула занавеску, и какое-то время глядела на желтый прямоугольник прямо напротив моих глаз. Я вдруг представила, что за занавеской того освещенного окна стоит Кеану и, в свою очередь, глядит на мое, тоже светлое от электричества окно. Теперь перспектива внезап-

ного опустошения Земли показалась мне весьма даже привлекательной: только двое на весь этот прекрасный мир!

Кеану и я.

Эта фантазия так взволновала меня, что ни о каком сне теперь не могла идти речь. К сожалению, силуэт Кеану появился в моем воображении, но вовсе не в том окне.

И все же. Есть ли еще кто-нибудь на всей земле, такой же, как я? Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, каким образом получить ответ на свой вопрос.

На соединение с интернетом ушли какие-то жалкие секунды, и вскоре весь мир был в моем распоряжении. Как некая книга мудростей, он был раскрыт передо мной. Я должна была только задать свой вопрос.

И это внезапно оказалось гораздо сложнее, чем я ожидала. Прошло, пожалуй, минут десять, пока я собралась с духом и напечатала это слово: «булимия». Внутри меня все замерло, томительные мгновения ожидания длились невыносимо долго.

Тем не менее, страница со списком результатов поиска развернулась как-то неожиданно.

– И что, ты оказалась одна на всей Земле?

Бог мой! Стоило мне проскользнуть глазами строку отчета о результатах поиска, как у меня похолодел затылок, и кончики пальцев онемели. Я перечитала строку заново:

«По Вашему запросу найдено **Сайтов – 1765, документов – 17 745**»!!!

Семнадцать тысяч семьсот сорок пять!!! И я что-то говорила о том, что была одна на всей Земле!!!!

Сразу за отчетом начинался просто бесконечный перечень всевозможных источников информации. От научных статей, коих было явное меньшинство, до ссылок на сомнительные сайты, содержавшие сплетни о звездах, якобы страдающих от «булимии».

XXX

«Булимия», в переводе с греческого языка, означает: «бычий голод»!

Бычий голод... Отвратительно!

Честно признаться, я ожидала многого. Но к тому, что я обнаружила, я все-таки оказалась не готова.

Щелкнув на первую попавшуюся ссылку, я неким странным образом, в мгновение ока оказалась внутри другого мира.

Какого-то жуткого мира, словно скопированного со сценария самого кошмарного из всех триллеров, что я видела за всю свою жизнь. Это был мир извращенной жестокости, изощреннейших мук, на которые только способен человеческий разум, безотчетного садизма, доведенного до его самых уродливых форм.

И этот мир был тем ужаснее, что он жил, он был реален. Он не являлся плодом чудес компьютерной графики или воспаленного воображения писателя-извращенца, через бумажные листы удовлетворяющего свои скрытые пороки. Этот виртуальный Аид наполнялся звуками страданий настоящих, а не выдуманных женщин. Сотен женщин, тысяч женщин.

Надежда в этом мире отчаяния теплилась лишь едва, она тлела в каждой строке череды посланий, слишком слабая, чтобы разгореться и слишком сильная, чтобы вовсе погаснуть.

И самое страшное заключалось в том, что я оказалась частью этого жуткого мира, это был и мой мир, я пребывала в самом его эпицентре. Я встретила свой персональный ад, от которого мне было теперь не скрыться.

В этих виртуальных мирадах зеркал самым правдивым образом отражались все мои чувства, все мои терзания, все мое ежедневное самобичевание.

Я будто бы слышала женские голоса, которые озвучивали мне мои же мысли.

Как их оказалось неожиданно много! Как **нас** много! Кого среди нас только не было: модели, актрисы, телеведущие, домохозяйки и журналистки, даже психологи. Они не называли своих имен, скрывая их под масками компьютерных кличек, но почти все упоминали о своей профессии и своем возрасте: 30 лет, 25, 15, 40, 17! Одинокие и замужние, любимые и покинутые, благополучные и бедствующие. У всех были разные причины: у кого-то развод, у кого-то несчастная любовь, кто-то просто хотел похудеть.

Я внезапно вспомнила, как начала сама: как-то, в незапамятные времена, будучи толстой и гонимой всеми девочкой, я, готовая на все в отчаянных попытках принять форму модной манекенщицы, прослышала об одной актрисе, которая за обедом не отказывала себе ни в чем, а потом бодро совершала походы в туалет. Ее пример показался мне достаточно убедительным, чтобы попробовать последовать ему. У меня получилось. Весьма успешно. Только о результатах такой «диеты» я услышала слишком поздно: несчастная актриса скончалась, едва отметив свое тридцатилетие.

Чтение бесчисленных признаний затягивало меня все сильнее и сильнее, воображаемые женские голоса в моем мозгу звучали все громче, у них появлялись интонации и оттенки, они словно бы все обращались ко мне, притаившейся у своего компьютера.

«Я не жвачное двуногое, не свиноматка на убой, я – человек, я красивая женщина! Спасите меня!» «Врачи не в силах помочь нам. Они не знают, что это за болезнь и что с ней делать!»

Здесь мы все были едины.

Здесь мы кричали только об одном: «Я в отчаянии!» «Есть хоть кто-нибудь излечившийся, помогите!» «Я схожу с ума! Что мне делать?» «Больше так не могу! Помогите!» «Я не хочу делать это! Я не могу ничего поделать с собой!» «Мне больно! Мне страшно!» «Мне стыдно!» «Только здесь, только вам я могу рассказать о своей беде! Ведь это так позорно!»

Знаете, булимия ведь сродни изнасилованию: тебе больно и плохо, но ты с насильником один на один, ты никому не осмеливаешься рассказать о том, что с тобой случилось, потому что это мерзко и стыдно, и ты боишься, что все отвернутся от тебя, начнут презирать тебя и брезговать тобой.

Родственники принимают за стыдить и порицать тебя за твою блажь и глупость, как будто бы для тебя это злорадная игра, с единственной целью всех их позлить и поиграть на их нервах. Друзьям ты этого вообще ни за что не расскажешь, потому что ни один, ни единый, даже самый лучший друг не сможет понять того, что чувствуешь ты, если сам не страдает тем же. Не сможет и не захочет понять и тогда не сможет помочь, даже если сильно захочет. Потому что даже большинство врачей, действительно, вовсе не знают такого слова: «булимия», а если кто и знает, то сразу же начинает ухмыляться и глумиться над тобой: «Ах, так ты обжора! Ну, ничего, принцесса Диана тоже обжиралась!»

Какое несчастье, что принцесса погибла, иначе такие как я, спросили бы у нее, как с этим бороться!

Знаете, каково это, каждый день совать себе пальцы в рот до тех пор, пока перед глазами не поплывут черные пятна, и не начнет мерещиться, что еще чуть-чуть, и ты выплунешь и сам желудок, похожий на пустой, сморщенный мешок! Презирать и ненавидеть себя за это, бояться собственного тела, бояться будущего и быть не в состоянии хоть как-то себе помочь! Знаете, каково это, всегда об этом думать?

Они, эти женщины, об этом знают! Мы, эти женщины, об этом знаем!

Я застыла перед монитором как загипнотизированная. Не останавливаясь, я вчитывалась в их истории, в каждой новой реплике узнавая каждую из своих собственных мыслей. Остро захотелось всплакнуть. Так беспомощно, по-женски, громко всхлипывая и сморкаясь. И жалобно подвывать, обращаясь к моим незримым подругам.

Но возникло ли у меня желание примкнуть к ним, присоединить свой тихий голос к этому многоголосому хору, всерьез послать еще один, такой же клич о помощи: «Помогите! Погибаю!»

Нет, мне не хотелось. Не хотелось по двум причинам: во-первых, что бы это изменило, кроме количества отчаянных стонов в виртуальном аду? Ничего. Все это они и без меня знают, все это они уже слышали. Наши жалобы вторят друг другу, повторяясь, считай, до последнего слова.

А вторая причина заключалась в том, что к своему ужасу, за минувшие годы я успела так приспособиться к своей заразе, что она сделалась моей привычкой, дошедшей почти до рефлекса. Все равно, что чистка зубов два раза в день, и сразу после рвоты тоже.

Маленький алчный монстр, что жил в моем желудке, зубастой тенью следовал за мной по пятам, и то, что я сумела свыкнуться с его присутствием, все же не отменяло его желание уничтожить меня, разорвать меня на куски. Он был готов сделать это в любую минуту, на любом этапе моей жизни.

Только вот когда?

Он был со мной всегда и везде. Алчными глазами следя за каждым моим движением, читая и контролируя каждую мою мысль. Пока он выжидал, ждала и я.

Но самое удивительное заключалось в том, что прежде я даже не считала себя больной, хотя на протяжении доброго десятка лет, ежедневно тратила на это несколько часов в день! Каждый день.

Я была все равно, что хронический алкоголик, который под страхом смерти, ни за что не признается в том, что страдает роковой зависимостью.

«Для тех, кто вступил в дьявольский круг булимии, пища становится истинным наркотиком, лишить которого – значит, лишить человека жизни!»

Два года назад я бросила курить, хотя курила до этого больше десяти лет. По две пачки в день. Мучительный процесс избавления от никотиновой зависимости был мною успешно пройден.

Булимия же из года в год, всегда одерживает надо мной верх. Но, признаться честно, моя одержимость сигаретами не шла ни в какое сравнение с одержимостью «бычьим голодом».

Булимия – это такой огромный червь, что сидит в твоей утробе, и держит в своей бездонной пасти все твои нервные нитки, все клетки мозга. И управляет тобой. Полностью управляет.

И ты механически заглатываешь, и заглатываешь, и заглатываешь, и останавливаешься только когда понимаешь, что сейчас твой желудок лопнет, как презерватив, переполненный водой. А перед твоими глазами воображение рисует язвы в желудке, раковые опухоли в желудке, в груди, в горле, в мозгу. И тебе страшно. Но это сильнее тебя и ты ничего не можешь с собой сделать, кроме как безропотно поплестись в туалет.

«Чувствую себя, словно нахожусь в чьей-то власти, и как освободиться от этого – не знаю!» – продолжало мелькать на мониторе.

Думаю, что прекрасно могу понять беспомощность наркомана, алкоголика. Я хорошо знакома с понятиями «обреченность», «мания». Я знаю, что подразумевают люди, когда говорят: «Я стараюсь, но это выше моих сил».

«По данным специалистов, летальность среди больных булимией, составляет 5-6%, в большинстве случаев вызвана длительным голоданием или самоубийством!»

«Специфического лечения булимии не существует, однако, успешной можно считать программу «12 шагов», которая, как известно, применяется для лечения химически зависимых больных. Правда, лечение обычно имеет весьма продолжительный курс, до нескольких лет, и проходит весьма тяжело».

«12 шагов»? Что ж, получается, мы действительно родные с наркоманами и алкоголиками? Принцесса Диана такая же, как и сизый забулдыга, что вот уже два дня как лежит в канаве под забором? И я такая же?

«Держись уже два дня. Не знаю, сколько еще смогу, но буду пытаться!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.